

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алефиренко, Н.Ф. Вербализация концепта и смысловая синегетика языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Междунар. симпозиум. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч. 1. – С. 3-13.
2. Борухов, Б.Л. “Зеркальная” метафора в истории культуры / Б.Л. Борухов // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Индрик. – 1999. – С. 109-117.
3. Вендина, Т.И. Словообразование и “сокрытые смыслы” языка культуры / Т.И. Вендина // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 14-32.
4. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3-16.
5. Никитина, С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре / С. Е. Никитина // Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 117-123.

РУССКИЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ RUSSIAN TEXT IN MODERN ENGLISH POETRY

Г. И. Лушникова

G. I. Lushnikova

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялта
Ялта, Крым

Humanities and Education Science Academy (branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta
Yalta, Crimea

e-mail: lushgal@mail.ru

Интертекстуальность в современной художественной литературе приобретает новые формы и расширяет спектр функций. Изучение новых литературных практик использования текста предшественника требует специальных методов их интерпретации. Особый интерес представляет исследование русского текста в зарубежной литературе и в поэзии в частности. Анализ стихотворений сборника современных английских поэтов Э. Крофта, В.Н. Герберта, П. Саммерса «Three Men on the Metro / Трое в метро» продемонстрировал, что в нем имеет место инкорпорирование культурно-маркированных элементов русского текста на всех уровнях – структурном, формальном, содержательном. В поэтических произведениях данного сборника содержатся единицы, обозначающие реалии разных сфер жизни российской действительности, в него включены аллюзии на литературные и историко-политические факты, цита-

ты из произведений, отличающихся жанровым, стилистическим и идейно-тематическим своеобразием.

Ключевые слова: интерпретация текста; поэтическое произведение; интертекстуальность; русский текст; аллюзия; цитата; культурно-маркированные элементы.

Intertextuality in modern fiction demonstrates new forms of realisation and variety of functions. Investigation of new literary practice of intertextual means requires special methods of their analysis. Russian text in foreign fiction and poetry in particular presents a great interest for readers and scholars. Collection of verses by English poets A. Croft, W.N. Herbert, P. Summers Three Men on the Metro has proved to be a bright example of the usage of Russian culture-specific elements on all textual levels – structural, formal, thematic. Poems of the collection are full of units denoting features of different spheres of Russian reality, historic, political and literary allusions, and citation from works of literature of different genres, styles and artistic value.

Keywords: text analysis; poetry; intertextuality; Russian text; allusion; citation; culture-specific elements.

Русский текст – упоминание и переосмысление произведений художественной литературы, других произведений искусства, исторических фактов, политических событий, национальных реалий, традиций и обычаев – занимает значительное место в мировой культуре. Многие современные писатели прошлого и настоящего обращаются к историческому и художественному наследию России, что находит воплощение в интертекстуальных связях на разных уровнях текста.

Общеизвестно, что интертекстуальность, являющаяся неотъемлемой категорией любого текста, в современной художественной литературе приобретает новые формы и расширяет спектр функций. Новые литературные практики демонстрируют эти формы, что требует разработки специальных методов анализа, учета прагматических и когнитивных аспектов их функционирования [3]. В настоящее время помимо традиционных использований аллюзий, цитат, реминисценций встречаются разнообразные виды интертекстуальных связей, они становятся текстообразующим элементом [7; 9]. Некоторые произведения строятся на основе прототекста, иногда не одного, а сразу нескольких. Текст^ы предшественники вписываются в новый текст, создавая новую систему, требующую особого прочтения, так как интерпретация такого текста предполагает распознавание разных включений, определение характера их взаимодействия и эстетического эффекта. В таких случаях, по мнению Н.Г. Владимировой, «Понятие интертекстуальности следует использовать не только для определения особого метода художественного

мышления, характеризующего современную культурную ситуацию, но и как способ организации художественных текстов» [1, с. 90].

Прочтение произведения, содержащего элементы текстов предшественников, естественно, предполагает образованного читателя, способного не только узнать данный элемент, но и представить широкий контекст культуры, эпохи, из которого он взят. Справедливо замечание о том, что «текстовая единица, являющаяся отсылкой или реминисценцией к другой текстовой единице, обогащает смысловой комплекс рассматриваемого текста, так как связывает его не только с фрагментом другого текста (прототекста – начального текста, текста-донора), но и с его уникальным контекстом, а также с культурой, в рамках которой был создан прототекст» [8, с. 116-117]. По сути, чтение произведения, написанного зарубежным писателем или писателем прошлого, сопоставимо с межкультурным диалогом, а иногда и полилогом, поскольку читатель вступает в «разговор» с представителями разных культур.

Ярким примером такого «разговора» является сборник стихов современных английских поэтов Э. Крофта, В.Н. Герберта, П. Саммерса «Three Men on the Metro / Трое в метро» [11]. Произведения этого сборника можно рассматривать как единую поэму на том основании, что, хотя она состоит из отдельных стихотворений, которые могут восприниматься изолированно, но в целом все они обладают общей тематикой и стилевым, жанровым и композиционным единством. Жанр этой поэмы можно обозначить как поэтический травелог, путевые заметки английских туристов по Москве, но не по традиционным туристическим маршрутам, а по станциям метро, что отражено в названии сборника. Название сборника служит маркером английско-русского диалога, поскольку оно соединяет название известного романа Джерома К. Джерома в несколько измененном виде с заменой английского слова *boat* на единицу, обозначающую один из символов России – московский метрополитен – *metro*. Однако общая тематика и задачи авторов шире, чем описание впечатлений путешественников, они фактически создают русский текст, что для русскоязычных читателей оказывается чрезвычайно интересным, так как всегда интересно узнать мнение со стороны, увидеть себя глазами других, глазами представителей иной культуры. Интертекстуальность составляет основу данной поэмы, формами которой являются элементы разных уровней: аллюзии, цитаты, эпиграфы, включение в текст обозначений русских реалий, описаний традиций, а также ритмическая организация стиха.

Приведем примеры маркеров русского текста культуры, который представлен в исследуемом сборнике. Московский метрополитен, названия его станций служат отправной точкой для создания картины

жизни Москвы и России в целом, каждая станция – кусочек, фрагмент этой картины. Так, в стихотворении *Izmaylovo Park / Измайловский парк* упоминается имя Петра Великого [11, с. 15], в стихотворении *Tsaritsino / Царицыно* – имя Екатерины Великой [11, с. 25], в стихотворении *Komsomolskay I / Комсомольская I* – имена политиков более современной истории – Ленина и Сталина [11, с. 47], в стихотворении *Komsomolskay II / Комсомольская II* – такие исторические вехи, как Бородино и Берлин [11, с. 49]. Примеры такого рода многочисленны.

Традициям русской жизни посвящено несколько стихотворений сборника, к ним можно отнести и описание религиозного праздника пасхи (*Paskha / Пасха* [с. 31]), и международного дня трудящихся 1 мая (*May Day / Первомай* [с. 83]), а также традиционных посещений бани (*A Welcome to the Banya / Добро пожаловать в баню* [с. 69], *Song of the Banya / Песня о бане* [с. 61]).

Широко представлены русские реалии и типичные русские коллоквиализмы, названия которых написаны латиницей – *banya, venik, borsch, beech, bomzh, alcash, Sovok, komsomol* и другие. Некоторые русские слова, имеющие аналоги в английском языке, также пишутся латиницей для придания местного колорита и для подчеркивания особенностей той или иной реалии в русском контексте: *greeb, sobachka, moiva, pirogi, medved* и другие. Это представляется вполне оправданным, потому что наша баня – это не совсем или, вернее, совсем не *bathroom*, наше понятие ‘друг’ – не вполне соответствует английскому *pal*, а наше представление о мечтателе – не равно английскому *dreamer*. Почти все эти слова сопровождаются английскими эквивалентами, переводом на русский язык и комментариями авторов, помещенных после стихотворений: *greeb (гриб) – mushroom, banya (баня) – bathroom, sobachka (собачка) – doggie or pup; also the @ sign, moiva (моiва) – dried and salted capelin, Sovok (Совок) – a sarcastic term for the Soviet Union, komsomol (Комсомол) – Communist Union of Youth, many of whom assisted the construction on the Moscow Metro* и многие другие. Ряд слов и выражений, написанных латиницей, как будто взят из разговорного минимума для туристов, посещающих Россию: *prasteetyeh (простите) – excuse me, hachoo (я хочу) – I want, gdye (где) – where, piva (пиво) – beer* и другие.

Общая тональность, в которой написаны тексты, содержащие данные единицы, отличается юмором и иронией, что свойственно английской традиции, за которыми скрывается удивление, порой непонимание, порой любование незнакомым миром. Ирония не исключает уважительного отношения к памятникам и реалиям русской культуры, она направлена, в большинстве случаев, не на описываемый объект, а на его восприятие зарубежными туристами, часто переплетается с самоиронией.

ей. Иронический модус повествования данного сборника рассматривается в статье Е.Н. Инякиной, где, в частности, отмечается, «что иронично-критическое отношение современных английских писателей к реалиям русской действительности, появляющееся в результате столкновения культур, служит инструментом построения межкультурного диалога. Ирония ‘смягчает углы’, позволяя выразить нередко критическое отношение к реалиям русской культуры, в ‘мягкой’, юмористической, игривой форме» [2, с. 152-153].

Самый богатый фрагмент русского текста в данном сборнике английских поэтов – это литературный текст, здесь встречаются имена поэтов и писателей прошлого и настоящего, творчество которых отличается разнообразием жанров, тем и стилей. Это наша классика 19 века – Пушкин, Достоевский, Чехов, знаменитые писатели советской эпохи – Маяковский, Фадеев, Есенин, Ахматова, Пастернак, писатели наших дней – Лукьяненко, Пелевин и другие. Однако это не простое упоминание имен, это попытка встроить русские тексты в контекст мировой культуры, это своеобразный диалог, прежде всего, между английской и русской культурами, соединение в одном тексте английской и русской литературы. Наиболее показательны в этом смысле следующие строки, в которых в один ряд поставлены Уэллс, Пушкин, Бернс, Джером и Достоевский:

*Near May Day on the Sparrow Hills
It's time to mash the ages, churn
The metro's myths with H.G. Wells,
Like Pushkin mished till kin with Burns;
Then add Jerome, his jug-head trio,
And Fyodor, for fevered brio – ...* [11, с. 8].

Не случайно в данном отрывке употребляются слова с семантикой «смешивать», «соединять», «добавлять»: *mash, churn, mish, add*, так как, по мысли авторов, культура, в сущности, едина, и наступило время соединить века (*to mash the ages*), мифы и фантастику, английских и русских писателей.

Литературные аллюзии и стилизации также не лишены иронии – сходство признается (на содержательном уровне) и одновременно отрицается (на формальном уровне). Ряд стихотворений предваряется эпиграфами-пояснениями, которые отражают данное признание-отрицание:

*probably not by Victor Pelyevin \ вероятно, не Виктора Пелевина;
author unknown, except that's not Yevgeny Yevtushenko \ автор неизвестен, но это не Евгений Евтушенко;
Words not by Yevgeny Dolmatovsky \ слова не Евгения Долматовского.*

Специфика такого рода интертекстуальности заключается в ее амбивалентности – сближении-отталкивании, почтении-иронии [см. 6].

Приведенные выше примеры аллюзий имеют универсальный характер, т.е. могут встречаться в произведениях любых жанров – в прозе, драме, поэзии. Как известно, интертекстуальность в поэзии имеет свою специфику в силу ее структурных, формальных и содержательных особенностей. Большой вклад в изучение интертекстуальности поэзии внесли исследования Н.А. Кузьминой, И.И. Чумак-Жунь и других [4; 10]. В частности, ими разработаны типы интертекстуальности поэтического текста, описана ее специфика в отличие от таковой в прозе.

Характерной чертой интертекстуальности в поэзии является сходство ритма и рифмы с прототекстом, хотя в данном случае требуются дополнительные маркеры-указатели – упоминания имен поэтов или их наиболее известных произведений. В исследуемом сборнике достаточно много таких стихотворений, в качестве примера приведем начальные строки стихотворения *Idle was My Springtime* \ *Беззаботная юность моя*, которому предшествует эпитафия *Sergei Esenin did not write this* \ *Сергей Есенин не писал этого*. Благодаря данному эпитафическому тексту, вопреки отрицанию, мы настраиваемся на переключку с поэзией С. Есенина, что подтверждается последующим прочтением – сходством ритмического рисунка и лирической, типично есенинской пейзажной картины:

*Idle was my springtime,
Days of youth and ease,
Drifting on the river
Through the sleepy trees* [11, с. 38].

Формальные признаки сохранены и в стихотворении *And This is Us* \ *И это мы*, написанном в духе Л. Рубенштейна:

1. *This is us.*
2. *This is us again.*
3. *This is us outside the Metro.*
... [11, с. 93].

На наш взгляд, главной особенностью интертекстуальных включений в поэтическом тексте является значительная плотность и разнообразие в расчете на одну синтагматическую единицу. Кроме того, высокая плотность чужих слов на ограниченном пространстве текста обуславливает их конвергентное взаимодействие, сближающее тем самым поэтический текст с жанром центона [5, с. 186]. Конвергенция интертекстуальных включений имеет место практически во всех стихотворениях исследуемого сборника, в них содержатся эпитафии, литературные и исторические аллюзии, культурно маркированные единицы. Набор иногда разнородных единиц напоминает пастиш, например, в достаточно

коротком стихотворении *Chkalovskaya / Чкаловская* [11, с. 26] соединено, казалось бы, совершенно несоединимое – подвиги Чкалова и Гагарина, печально известный ГУЛАГ, имя Путина. Пластиш, соединение несоединимого, характерно и для всего сборника в целом: мы встречаем цитаты из классических произведений прошлого, из современных песен и из речей политических деятелей; высокое русское слово и коллоквиализмы, сленг, фразеологизмы; описание замечательных памятников искусства и низкопробного китча; рассказ о великих свершениях и о московских бомжах и многое другое. Все это создает особое неповторимое звучание стихотворений данного сборника, требует внимательного и вдумчивого прочтения, поскольку в них отражен внимательный и вдумчивый, ироничный и уважительный взгляд на русскую культуру.

В заключение можно сказать, что «чужой» для английских авторов и «свой» для русскоязычных читателей текст пронизывает всю поэму *Three Men on the Metro / Трое в метро*. В русском тексте данной поэмы содержатся единицы, обозначающие реалии разных сфер жизни Российской действительности, в него включены аллюзии на литературные и историко-политические факты, цитаты из произведений, отличающихся жанровым, стилистическим и идейно-тематическим своеобразием. Единственное, что объединяет все эти элементы, это общий культурный код. Анализ русского текста в английской поэзии и в зарубежной литературе в целом имеет большое значение как в решении масштабных задач осуществления межкультурного диалога, так и в исследовательском (лингвистическом и литературоведческом) плане изучения новых интертекстуальных практик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Владимирова, Н.Г. Интертекстуальность. Интермедиальность. Интердискурсивность / Н.Г. Владимирова: учеб. пособие. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. – 170 с.
2. Инякина, Е.Н. Лингвокультурные особенности поэтических текстов о России современных английских писателей / Е.Н. Инякина // Исследование лингвокреативных процессов в когнитивно-дискурсивном аспекте: материалы международной научно-практической конференции молодых исследователей, Челябинск, 23 ноября 2016 г. / ред. коллегия: Л.А. Нефедова, Г.Р. Власян и др. – Челябинск, Челябинский государственный университет, 2016. – С. 149-154.
3. Кремнева, А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры / А.В. Кремнева: монография. – Барнаул: АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2017. – 378 с.
4. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.
5. Лушникова, Г.И. Интертекстуальность поэтического текста (на материале поэзии У.Х. Одена) / Г.И. Лушникова // Функционально-когнитивный анализ

- языковых единиц и его аппликативный потенциал. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2014. – С. 185-188.
6. Лушникова, Г.И. Амбивалентность интертекстуальных значений в поэтическом дискурсе / Г.И. Лушникова, Л.Н. Синельникова // Дискурс-Пи, Екатеринбург, 2017. № 2 (27). С. 58-67.
7. Петрова, Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов): Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н.В. Петрова. – Волгоград, 2005. – 31 с.
8. Сергодеев, И.В. Интертекстуальность как генеральный смыслообразующий текстовый признак (на примере стихотворения Э. Дикинсон “Parting”) / И.В. Сергодеев // Филология и человек, Барнаул, 2019. № 3. С. 115-129.
9. Троицкая, А.Н. Интертекстуальный хронотоп готического романа (на материале англоязычных произведений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Троицкая. – СПб., 2008. – 18 с.
10. Чумак-Жунь, И.И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия / И.И. Чумак-Жунь. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 227 с.
11. Croft, A. Three Men on the Metro [Text] / A. Croft, P. Summers, W. N. Herbert. – Nottingham : Five Leaves Publications, 2009. – 121 p.

ПУТЬ МЫСЛИ–ЯЗЫКА–ТЕКСТА

THE PATH OF THOUGHT–LANGUAGE–TEXT

И. В. Морозов

I. V. Morozov

Белорусский государственный университет культуры и искусств
Минск, Беларусь

The Belarusian State University of Culture and Arts
Minsk, Belarus

e-mail: ivm2010@rambler.ru

Проблема сущности и генезиса смысла, осмысления, понимания и интерпретации текстов объективно актуальна в реально информационную эпоху. Для исследования этих феноменов принципиально важно, что они имеют закономерный, универсальный, архетипический характер. Это обусловлено способностью человека различать и оценивать свои пространственно-временные и событийные позиции и ситуации, соединяя которые реально и гипотетически можно создать символическое представление о пути – мысли и текста.

Ключевые слова: смысл; язык; текст; место; путь.

The problem of the essence and genesis of meaning, comprehension, understanding and interpretation of texts is objectively relevant in the real information age. For the study of these phenomena, it is fundamentally important that they have a natural, universal, archetypal character. This is due to the ability of a person to distinguish and evaluate their space-time and event po-